

Дмитрий ДОСТОЕВСКИЙ:

«Думаю, Федору Михайловичу краснеть за меня не придется»

Правнук Достоевского Федора Михайловича - того самого, что написал «Братьев Карамазовых», «Бесов», «Игрока», - как выяснилось, живет в Петербурге. Причем человек он общительный. Встретились мы за кружкой пива - и разговорились...

- Дмитрий Андреевич, а вы из классиков кого любите?

- Ну, конечно, прадеда, кого же еще. Понимаешь, я люблю глубину. И вот тут она есть. Если у Толстого - чистая голова, у Тургенева - красивый язык, то у Достоевского - вся жизнь, все, что надо...

- Зато так все растянуто...

- Ну это его еще тогда за нудность упрекали. Может, из-за болезни это. Я все время говорю: не упускайте из виду, что у прадеда ключевая фраза - «Каждый день я могу умереть», - вот он и «зарывался». Федор Михайлович хотел все сразу, не мог программно работать. Он выкладывался весь. И получалась, на наш взгляд, тягомотина. Я сам «Преступление и наказание» прочитал в 20 лет - и было очень тяжело. Я противился всему, что написано в книге. И лишь потом, когда свое в жизни повидал, я понял, что все очень просто: ты думаешь, мучаешься, а тут прочти - и Достоевский тебя предупреждает...

- Ему жилось нелегко...

- И ему, и детям. Вы знаете писательскую среду? Это же пауки в банке! И сейчас, и в девятнадцатом веке. Им надо было его в какой-то лагерь поставить - либо к славянофилам, либо к западникам. А он все время был посередине, что приводило к огромным сложностям. Потом он умирает, но остаются дети, которые пошли в совершенно разные стороны. Сын Федя - абсолютно русский, на все сто двадцать процентов. А Люба, родившись в Дрездене, вернулась на Запад, когда никто этого не ожидал. На Западе осталась, на Западе и умерла. Ее могила в Италии. А вот Федина могила пропала. В Москве, на Ваганьковском кладбище. Я ее искал - не нашел. Видимо, срыли...

- А сам Федор Михайлович где похоронен?

- Здесь. В Александро-Невской лавре. И, кстати, если будешь там, то обрати внимание - бюст Достоевского очень похож. Именно так выглядел Федор Михайлович. Кстати, и отец мой тоже там похоронен...

- И похоронят вас?

- Ну нет, вряд ли. Отец мой туда попал только по той причине, что сделал благое дело - перевез прах Анны Григорьевны по ее завещанию из Ялты в Лавру. Теперь она покоится рядом с мужем.

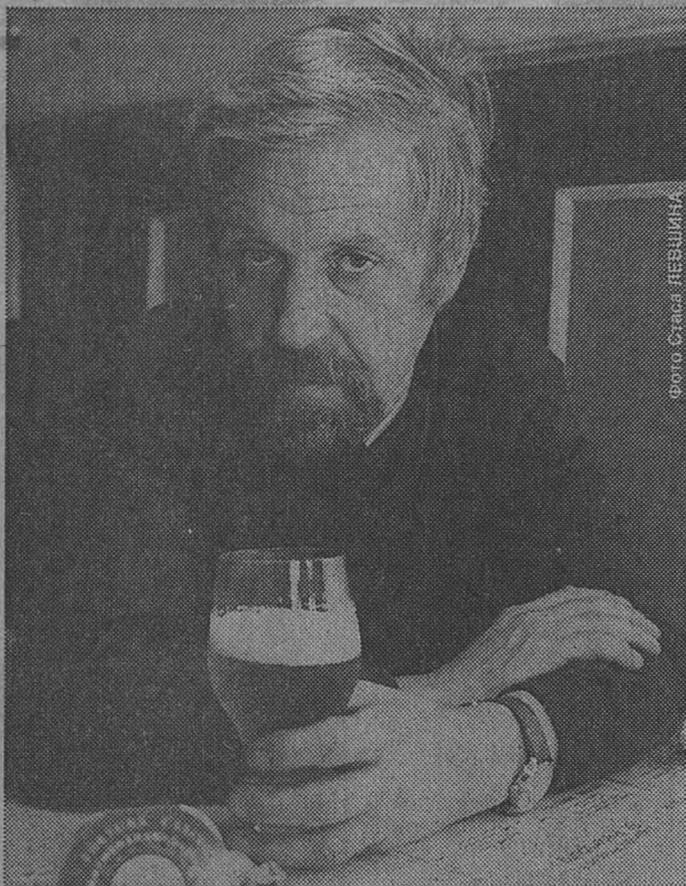

ФОТО СТАСА ЛЕВШИНА

А «Преступление и наказание» правнук прочел только в 20 лет...

- Давайте мы сменим тему. Поговорим насчет авторских прав. Вашего прадеда все время издают. Вам-то хоть что-то перепадает?

- Тут была печальная история. Анна Григорьевна официально оформила на Федю все права до 37-го года. Но Федю в 18-м году сняли чекисты в Харькове с поезда - и все, что было, отобрали. Корзину с рукописями и правами с помпой перевезли в Москву, а Федя остался с носом. Между тем он рассчитывал жить на деньги издаваемого Достоевского, так как в 17-м году потерял все - и конюшни, и недвижимость.

Сам я вспомнил об этом лишь в 81-м году, когда попал в больницу, откуда вышел вроде подлеченный, но со второй группой инвалидности. А тут совпадение: ООН и ЮНЕСКО объявили этот год Годом инвалида и Достоевского. Ну, думаю, попрошу о помощи. Написал в Москву. Из Союза писателей прислали 25 рублей. Я посчитал, что это издеватель-

ство. А потом, когда был в Союзе по другим делам, один известный писатель сказал мне: «Э-э, батенька, что вы захотели! На деньги вашего прадеда мы за границу ездим». То есть права, они как-то «капали» через государство на Союз писателей СССР, но никак не на меня...

- И что, вы отступили? Больше не возвращались к этой проблеме?

- Я давно приучил себя зарабатывать своими собственными руками. А Федор Михайлович на смертном одре Анну Григорьевну предупреждал: «У тебя дети еще не обучены, школу не кончили - ни в коем случае не обращайся в литературное общество». То есть он уже тогда знал, что это за организация...

Мне же жаловаться на жизнь нельзя. В каждой из 16 профессий, которыми я владею, я доходил до верха, а потом их менял...

- И что это за профессии?

- Ну водителем трамвая я проработал восемь лет, включая перерыв на болезнь. Был «алмазчиком» - рисунки на хрусталь наносил, слесарем, электриком, токарем-универсалом, радиоэлектронщиком. Теперь вот кручу баранку. Высшего образования у меня нет - принципиально был против. Считаю, что жизнь буду лучше знать, если буду работать своими руками, а не командовать там или рядовым инженером...

- Да вашей семье повезло!

- Семья у нас очень замкнутая. В основном из-за жены, но я ее очень люблю и уважаю. Поэтому хожу по гостям сам... Дома я все ремонтирую, буквально все. Этим и отличаюсь от Федора Михайловича...

- А в магазин?

- По бабьему делу? Ну нет. Для этого жена существует. Сам я разве за пивком могу сбежать...

- И выпить любите?

- Ну пиво люблю. Сам с народом, естественно, общаюсь и с пьяницами язык найду. У меня одно большое преимущество - отсутствует синдром похмелья.

Тут я открою маленькую тайну. У Федора Михайловича младший брат Николай умер от белой горячки, то есть в семье этот вирус присутствовал. Федя Коле деньги втихомолку давал, да и сам в молодости пил немало. А потом, как обрубил... Лично я к водочке, бывает,

приложусь, но делом этим не злоупотребляю...

- А сын ваш чем занимается?

- Праправнук Достоевского ищет себя. Он сейчас в монастыре на Валдае. Возится там с лошадьми...

- Писать он не пробовал?

- А что ему писать? Я сам его «тыкал», когда были проблемы в школе с языком. Сказал ему: «С Достоевским лично разберешься. Но русский ты должен знать - на «пять» или на «четыре». Тебя фамилия обязывает». Тут я его достал. Но все равно, слабоват был... Хотя, по правде говоря, чего хотеть от правнука или внука? Это все-таки уже ошметки, пусть и гениального человека.

У Любы вообще была большая трагедия в жизни. Я-то не ощущаю сложности в связи со своим прямым отношением к классике. А она даже не вышла замуж из-за этого. Считала, что на детях гениев природа отдыхает и даже избегала мужчин...

- Но вы-то с ней не согласны?

- Конечно, нет. Я все-таки достиг в жизни ровно столько, сколько хотел. Думаю, Федору Михайловичу краснеть за меня не приходится. Есть масса людей, которые по Достоевскому живут. А у меня это легче всех получается. Что ни говорите, а гены берут свое.

Роман ПОПОВ.

Фото Стаса ЛЕВШИНА.
Санкт-Петербург.